ПЛАВАНІЕ

ПО

БѢЛОМУ МОРЮ

И

СОЛОВЕЦКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Сочиненіе

Я. Озерецковскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Н. Греча.

1836.

Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра.

С. Петербургъ, 15-го Ноября 1835.

Цензоръ Петръ Корсаковъ.

ПЛАВАНІЕ

по

БѢЛОМУ МОРЮ

и

СОЛОВЕЦКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Въ Іюнѣ, 15-го числа, 1835 года, въ 3 часа по полудни, поплылъ я изъ Архангельска на одномъ изъ тѣхъ судовъ, которыя называются тамъ мореходными лодьями. Оно было трехъ-мачтовое, въ родѣ галіота; по палубѣ въ длину имѣло 10 саженъ, поднимало до 10 тысячь пудовъ груза и принадлежало крестьянину Кемьскаго уѣзда. Подобныя лодьи ходятъ по Бѣлому морю на Мурманскій берегъ, до Новой Земли и Нор-

вегіи, на ловлю трески, сельди, палтусины, тюленей, бѣлугъ и проч.; а въ прошедшемъ году изъ Архангельска, крестьянинъ Пашинъ, какъ новый Васко-де-Гама, дерзнулъ на лодьѣ своей обогнуть берега Норвегіи по Сѣверному Океану и явился, съ трескою, въ Петербургъ (*). — Крестьяне сами строятъ лодьи, вооружаютъ ихъ кое-какъ, и, благословясь, ходятъ на нихъ, съ мая до сентября, на рыбные промыслы, чтобы потомъ въ Архангельскѣ запастись на зиму хлѣбомъ.

Мало населены берега Бѣлаго моря, близкаго къ сѣверному полюсу, гдѣ лѣто является, такъ сказать, на минуту, напомнить природѣ о жизни, извлечь ее изъ долгаго оцѣпенѣнія. Бѣдный житель Корельскаго и Терскаго береговъ напрасно искалъ бы пищи на безплодной и каменистой землѣ

(*) Попытка Пашина была увѣнчана успѣхомъ и онъ благополучно воротился домой.

своей родины: онъ ждетъ, въ продолженіе долгой ночи, четырехъ-мѣсячнаго дня, чтобы съ бо́льшею увѣренностью отдаться волнамъ для пріобрѣтенія скуднаго продовольствія.

Не смотря однако жъ на необходимость, наука мореплаванія тамъ еще въ юношествѣ, хотя уже давно крестьяне поняли употребленіе компаса, безъ котораго не пускаются въ море.

Какъ не ограничены и не опасны средства къ продовольствію береговыхъ жителей, но имъ еще могутъ завидовать Корелы, отдаленные отъ береговъ Кандалакской губы, которые часто питаются сосновою корою, бѣлымъ мхомъ, или толченой соломой, смѣшанной съ малымъ количествомъ муки.

Отъ Архангельска до Соловецкаго монастыря, по Меркаторской картѣ Бѣлаго моря, составленной въ 1827 — 1833 годахъ подъ надзоромъ Капитанъ-Лейтенанта Рейнике, — 300 верстъ. При хорошемъ попутномъ вѣтрѣ

проходятъ это растояніе въ одни сутки; но бываютъ случаи, что капризное море водитъ плавателя цѣлый мѣсяцъ и болѣе, и заставляетъ его заходить въ Унскую губу, куда занесенъ былъ бурею Петръ Великій, плывя на яхтѣ въ Соловецкій монастырь изъ Архангельска въ 1694 году. — Счастливое плаваніе, съ вѣтромъ совершенно попутнымъ, ведетъ суда ввиду лѣтняго берега до самаго острова. Но это случается рѣдко: обыкновенно вѣтеръ относитъ суда далеко отъ береговъ, въ чистое море, по выраженію тамошнихъ мужичковъ-моряковъ — въ *го́лымя*.

Не правда-ли это гораздо интереснѣе? Что за удовольствіе плыть по морю и видѣть берегъ! Надобно въ морѣ испытать всѣ морскія прелести: бурю, несносный штиль, тошноту отъ качки и прочее. Надобно струсить нѣсколько разъ и потомъ уже мечтать объ очарованіяхъ морскаго путешествія

у себя въ кабинетѣ, на кушеткѣ, съ романомъ Купера въ рукахъ.

Я почти испыталъ всѣ эти удовольствія, потому что къ вечеру, вдали, на сѣверѣ, небо подернулось черными тучами, море зашумѣло, разыгралось и загрохоталъ отдаленный перекатъ грома: мы были въ полномъ распоряженіи *обѣденника*. Можетъ быть, значеніе этаго слова вамъ не знакомо: это юго-восточный вѣтеръ. Береговые жители даютъ вѣтрамъ названія по своему: *востокъ, западъ сѣверъ, лѣто;* потомъ, юго-востокъ называютъ они *обѣденникомъ*, юго-западъ — *шалонникомъ*, сѣверо-западъ — *побережникомъ*, сѣверо-востокъ — *полунощникомъ*. — И такъ мы плыли *обѣденникомъ*, который уносилъ насъ нехотя въ *го́лымя*, и, не спросясь моего согласія, подвигалъ подъ черныя тучи сѣвера! Положеніе не совсѣмъ пріятное, и я вѣрно не былъ бы такъ спокоенъ, если бы со мною не раздѣляло надеждъ и мо-

леній множество деревенскихъ женщинъ и дѣтей, бо́льшею частію родственниковъ Капитана нашего корабля, Корельскаго крестьянина, которыхъ онъ везъ домой изъ Архангельска. «На людяхъ смерть красна» говоритъ пословица.

Впрочемъ, не смотря на эту Русскую истину, не совсемъ съ веселымъ духомъ закрылъ я свою записную книжку, поручилъ себя власти провидѣнія, и, перекрестясь, бросился на койку. — Море, какъ заботливая нянюшка, укачало меня, и я заснулъ крѣпко подъ поэтическій шумъ ожидаемой бури.

Было 6 часовъ утра, когда я проснулся. Какое волшебное пробужденіе! Возлѣ изголовья моей койки, въ открытое окно каюты, увидѣлъ я на пѣнистыхъ волнахъ блестящіе, золотые лучи солнца. Шумъ волнъ, дробящихся о твердыя края́ лодьи, ихъ бѣлыя брызги, свѣжій вѣтеръ, ясное небо, — все показалось мнѣ новымъ,

чудеснымъ! Я всталъ какъ очарованный! Но это чувство продолжалось не долго: меня зашатало сильнымъ волненіемъ, голова пошла кругомъ, томительное, несносное чувство сдавило грудь, и я едва не упалъ въ обморокъ. Меня почти безъ чувствъ вынесли на палубу, къ бизань-мачтѣ, гдѣ качка гораздо сноснѣе, и валы, по тамошнему *зводни*, не столько ощутительны. Не совѣтую пускаться въ море, если вы подвержены этой несносной болѣзни. Она неизъяснимо-отвратительна; это ощущеніе хуже пытки: вы видите передъ собою причину ужаснаго томленія, усиливаетесь какъ будто остановить корабль, найти равновѣсіе, какую нибудь незыблемую точку; готовы просить, чтобы васъ отпустили на твердую землю, — нельзя ни какъ! Васъ качаетъ, колеблетъ, душитъ, мутитъ, и вы обязаны терпѣть и привыкать къ этому удовольствію! — По счастію я скоро освѣжился на открытомъ воздухѣ. Мы плыли, 16 Іюня,

медленно, но безъ всякихъ морскихъ приключеній, которыя начали уже въ моихъ глазахъ терять всю занимательность. Это былъ день преподобнаго Тихона, по которому мужички дѣлаютъ заключеніе о всемъ лѣтѣ, безъ сомнѣнія производя имя Тихона отъ тишины.

Нѣтъ ночей, или есть ночи въ Іюнѣ мѣсяцѣ на Бѣломъ морѣ, — это какъ вамъ угодно. Солнце болѣе 21 часа въ сутки путешествуетъ по ясному небу; потомъ часа на два съ небольшимъ скрываетъ огненный шаръ свой за край необозримой равнины моря, близко отъ сѣверо-востока, и снова является на горизонтѣ обновленное и яркое. Но въ эту, такъ называемую, ночь, лучи великолѣпнаго свѣтила не гаснутъ въ волнахъ, закатъ горитъ одинаковымъ пурпуровымъ цвѣтомъ и едва примѣтно блѣднѣетъ передъ возрожденіемъ новаго дня.

На третій день поутру на палубѣ заговорилъ кто-то о землѣ. Я бросился

изъ каюты, съ жадностью окинулъ глазами море, и увидѣлъ передъ собою чернѣющійся, къ сѣверу возвышенный край земли: — это былъ островъ Жижгинской (*). Надобно проходить между островомъ и лѣтнимъ берегомъ, который также видѣнъ ясно по лѣвой сторонѣ. Необыкновенно красивы показались мнѣ берега твердой земли, и я долго смотрѣлъ на небольшую деревянную башенку, поставленную на сѣверной оконечности Жижгинскаго острова, и, безъ огня, скромно замѣняющую здѣсь маякъ. Но мужички говорятъ: «и за то спасибо: какъ нападетъ *марь*, башня то видна, а это мѣсто больно *костливо*, того и гляди нанесетъ на *коргу*, да и *опружитъ*.» Вотъ новый языкъ! Надобно развернуть Бѣломорскій словарь, и тогда вы узнаете, что туманъ

(*) Такъ названъ островъ на картѣ К. Л. Рейнике, но береговые жители называютъ его «Жогжинскимъ.»

называютъ здѣсь *марь* или *марева*, каменистыя мѣста *костливыми*, подводныя банки или мѣли — *коргами*, на которыхъ нерѣдко *опруживаетъ*, — опрокидываетъ несчастныхъ, или неопытныхъ промышленниковъ.

Насмотрѣвшись на землю, я сладко заснулъ на палубѣ, думая скоро доплыть до своей цѣли; но каково было мое удивленіе и досада, когда, проснувшись часа черезъ два, увидѣлъ я, что флюгеръ на гротъ-мачтѣ гуляетъ въ разныя стороны; лодья, безъ парусовъ, преспокойно покачивается на якорѣ; весь экипажъ мужчинъ и женщинъ храпитъ мертвымъ сномъ; безъ кормчаго гуляетъ руль, и около него сидятъ съ пол-дюжины ребятишекъ, мурныча какую-то пѣсеньку! Едва повѣрилъ я глазамъ, что мы стояли почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ я уснулъ, между лѣтнимъ берегомъ и Жижгинскимъ островомъ, и въ досадѣ не очень вѣжливо возвратилъ къ бдѣнію Капи-

тана лодьи, едва ли не приписывая его лѣни совершенное безвѣтріе. По справкѣ оказалось, что онъ ни мало въ этомъ не былъ виновать: насъ остановилъ штиль и морской отливъ, который обыкновенно бываетъ въ продолженіи 24 часовъ и 47 минутъ два раза, равно какъ и приливъ; слѣдовательно море, по неизмѣннымъ законамъ, чрезъ каждые 6 часовъ и нѣсколько минутъ перемѣняетъ направленіе волнъ къ берегамъ и отъ береговъ.

Знаете ли, почтенный читатель, что такое скука? — Можетъ быть вы думаете что я намѣкаю на свой журналъ? Согласенъ, — хотя совсемъ не о томъ думалъ въ эту минуту. Скука, — это морское чудовище, и, если вамъ скученъ расказъ о морскомъ путешествіи, то легко можете вообразить, каково было мнѣ бороться съ этимъ чудовищемъ! Но, къ несчастію, оно амфибія: вы найдете скуку и въ сухопутныхъ статьяхъ, а потому я просилъ бы

васъ, хоть для перемѣны, остаться со мною на морѣ, вытерпѣть качку и штиль, а между тѣмъ я раскажу что нибудь, въ ожиданіи попутнаго вѣтра.

«Живетъ ли кто нибудь на этомъ «островѣ?» спросилъ я одного изъ крестьянъ.

«А кому тутъ жить, Ваше Благородіе, «отвѣчалъ онъ, островъ голый, одни кам- «ни, лѣсу мало. Вотъ уже, коли Богъ «благословитъ отплыть немного, уви- «димъ тамъ Анзерскій островъ, а за нимъ «и Соловецкій. Отсюда считаютъ верстъ «40 до Анзерскаго.»

Мужичокъ замолчалъ, посмотрѣлъ задумчиво на Жижгинской островъ, и, какъ будто вспомнивъ что-то таин- ственное, продолжалъ въ пол-голоса: «Кому тутъ жить! Сказываютъ былъ «на этомъ островѣ жилецъ, а тамъ, на «берегу Анзерскаго другой... — прія- «тели!...»

Про кого толкуешъ ты? спросилъ я, что это за жильцы?»

«А кто ихъ знаетъ, отвѣчалъ раскащикъ, стало быть какіе нибудь.... «у нихъ у двоихъ былъ одинъ топоръ....»

И робкій мужичокъ замолчалъ, нежелая продолжать разговора о нечистой силѣ, а можетъ быть исторія этихъ морскихъ духовъ уже тонетъ въ неясныхъ преданіяхъ давнихъ временъ. Какъ бы то ни было, но мужичокъ отошелъ отъ меня, оставя мнѣ полную свободу варьировать заданную тему объ одномъ топорѣ къ услугамъ двухъ дровосѣковъ.

Между тѣмъ, вокругъ лодьи, изъ гладкой поверхности моря, въ разныхъ мѣстахъ высовывали головы тюлени, съ любопытствомъ заглядывая на корабль, и быстро погружались въ тихую глубь. Ихъ называютъ на Бѣломъ морѣ: *нерпь*, ловятъ чрезвычайно много, топятъ ихъ сало и выдѣлываютъ кожи.

Въ тихую погоду, особенно вокругъ острововъ, жители Нептунова царства становятся гораздо смѣлѣе и

игривѣе. Мнѣ удалось однажды, плывя черезъ проливъ между Соловецкимъ и Анзерскимъ островами, видѣть вблизи множество тюленей и бѣлугъ. Огромный млечно-бѣлый дельфинъ (Delphinus leucas), по тамошнему бѣлуга, сперва высовываетъ изъ воды черную свою морду, похожую на коровью, дышетъ съ шумомъ изъ отверстія, находящагося у него на затылкѣ, и вдругъ опрокидывается мордою въ воду, обнажая полукругомъ, на поверхности воды, огромное туловище, гладкое безшерстное и бѣлое какъ снѣгъ. Дельфинъ съ небольшими двумя лапками въ началѣ туловища и хвостомъ похожимъ на рыбей, имѣетъ до 18 футовъ въ длину и почти весь состоитъ изъ сала, котораго добываютъ изъ одного до 10 пудовъ. Мяса въ немъ мало: оно черно и никуда не годится. Вслѣдъ за самками кувыркаются изъ воды ихъ дѣти, которыя обыкновенно бываютъ темносѣрыя, или почти черныя.

Бѣлое море изобилуетъ, между прочимъ, прекрасной сельдью, не уступающею ни въ чемъ Голландской. Она крупна, жирна и бѣла: недостаетъ только промышленникамъ искусства солить ее. Ловля сельди представляетъ красивое и веселое зрѣлище. До пяти и шести сотъ человѣкъ, вооруженныхъ длинными шестами, выѣзжаютъ на ловлю на небольшихъ лодкахъ называемыхъ *карбасами*: разсыпаются по морю, для отысканія сельдянаго *юра*, или стада, и наѣзжаютъ на такое множество столпившейся сельди, что безъ труда ощупываютъ ее шестами почти на поверхности воды. Тогда флотилія спѣшитъ окружить рыбій юръ, закидываетъ невода и вытаскиваетъ иногда, въ одну тоню, болѣе 50 пудовъ сельди.

»Хозяинъ!»

— «Чего изволите, Ваше Благородіе?»

«Да скоро ли поплывемъ мы далѣе?

«Не вѣкъ же стоять на одномъ мѣстѣ!»

—«Что же прикажите, Ваше Благородіе, изволите видѣть какая *благодать*, ни откуда не заиграетъ! Даромъ стоять не будемъ, и вотъ ужо, какъ вода пойдетъ на прибыль, зводни будутъ намъ по пути, тогда, пожалуй, попробуемъ сняться съ якоря, а теперь снесетъ назадъ.» —

Признаюсь, несносное удовольствіе плавать по морю и зависѣть отъ вѣтровъ! Ужъ если подвергать себя этой необходимости, или, правилу, такъ лучше на твердой землѣ: ступай, куда вѣтеръ подуетъ — и славно!

Сказать, кстати или не кстати, такъ летаютъ гаги, — родъ большихъ утокъ, съ которыхъ добывается драгоцѣнный гагачій пухъ. Плаватели замѣчаютъ полетъ гаги: откуда она летитъ, туда скоро повѣетъ вѣтеръ, — примѣчаніе довольно странное, но сколько могъ я замѣтить столько же и справедливое.

Съ радостію повѣрилъ бы я полету добровѣщей гаги, потому что морской штиль — оселокъ самаго ангельскаго терпѣнія, особенно когда мечты, безъ остановокъ, на всѣхъ парусахъ воображенія, летятъ фордевиндомъ впередъ, и прежде васъ возвращаются къ тому, что мило и драгоцѣнно для вашего сердца на твердой землѣ!... Я былъ въ отчаяніи отъ нетерпѣнія, ходилъ взадъ и впередъ, какъ обыковенно бываетъ въ такомъ состояніи духа; но меня покачнуло гладкой волною, и я присѣлъ на палубу каюты. Въ эту минуту ребятишки, сидѣвшія у руля, запѣли громче, — я вспомнилъ кресло съ музыкой, на которое бросается съ отчаянія Мѣщанинъ во дворянствѣ!

Напѣвъ пѣсенки очень милъ. Она сложена на Бѣломъ морѣ, и вѣрно понравилась бы вамъ, или, по крайней мѣрѣ, вы невольно запѣли бы вмѣстѣ съ ребятишками, потому что..... какъ жаль, что я не знаю съ чѣмъ бы сравнить

скуку ожиданія вѣтра! Позвольте... (sauf le respect que je vous dois) почтенный читатель, случалось ли вамъ когда нибудь часа два съ половиною ждать въ передней, или, виноватъ, въ пріемной у какого нибудь вельможи? — Неслучалось? Такъ испытайте, это очень любопытно и стоитъ морскаго штиля. Какой пѣсни не запѣли бы вы сквозь слезы нетерпѣливой зѣвоты? и потому я разъ двадцать пропѣлъ съ мальчишками ихъ Корельской куплетъ:

Дай Богъ вѣтерка,
Наша лодка не ходка,
Съ носу, съ подносу,
Съ кормы завѣтерье,
Кормщику въ спину,
Гребца за набой,
Середыша подкрень
И ногами вверхъ! (*)

Какое заманчивое и радостное чувство видѣть какъ издали бѣжитъ попутный вѣтеръ, по гладкой, свѣтящей-

(*) Набой — боршъ, середыша подкрень — наклони шого, кшо въ шрюмѣ или въ каюшѣ.

ся равнинѣ моря! Далеко, далеко зарябѣетъ темная полоса на зеркальной влагѣ и медленно подходитъ все ближе и ближе.... флюгеръ оживаетъ, весело развѣвая указательный флагъ свой, — вѣтеръ подходитъ и гладкая поверхность моря дробится въ мелкую зыбь.— Съ какимъ усердіемъ вытянутъ тяжелый якорь изъ глубокой пучины! Какъ хлопотливо и весело развились паруса! Вѣтеръ обгоняетъ васъ, море чернѣетъ кругомъ, бѣгъ корабля постепенно усиливается, — и вотъ онъ летитъ снова шибко и гордо.

Такъ было съ нами. Простоявъ часа три на якорѣ, наша лодья полетѣла отъ Жижгинскаго острова. Вѣтеръ сталъ сильно свѣжѣть, волны запѣнились бѣлыми гребнями и разбиваясь кипучимъ порогомъ о носовую часть лодьи, съ ревомъ дробились въ мелкія, летучія брызги, — я ожилъ! Веселый народъ мальчишекъ, хлопая въ ладоши, запѣлъ другую Корельскую пѣсенку:

Поѣхали, погребли,
Въ Шижню, въ Сороку,
Въ Сухой наволокъ,
Въ Суму на городокъ!

И скоро исчезъ изъ виду Жижгинской островъ, вмѣстѣ съ лѣтнимъ берегомъ. Потомъ, часа черезъ два плаванія, вдали показался Анзерской островъ, одинъ изъ товарищей Соловецкаго архипелага; и наконецъ, ровно въ двое сутокъ и шесть часовъ отъ города Архангельска приплылъ я къ пристани монастыря Соловецкаго.

Въ 9 часовъ вечера, 17-го Іюня, моя Корельская лодья стала на якорь въ бушующемъ морѣ, въ заливѣ, или гавани, передъ стѣнами святой обители. Съ палубы спустили на воду карбасъ: я поплылъ къ пристани.

Ни съ чемъ нельзя сравнить чувства благополучнаго совершенія плаванія! Лодья показалась мнѣ необыкновенно красивою; она, съ какимъ-то самодовольнымъ видомъ, гордо стояла

на рейдѣ, прекрасно развѣвая трехъцвѣтный флагъ, поднятый на прощаньи со мною добрымъ хозяиномъ. Я издали простился съ лодьею, пожелалъ ей счастливаго плаванія по Бѣлому морю, и скоро причалилъ къ пристани, куда почти вмѣстѣ со мною пристала нагруженная множествомъ богомольцевъ большая лодка, которая на веслахъ шла прямо изъ города Онеги.

МОНАСТЫРЬ.

Поднималась буря, когда я вышелъ на берегъ съ карбаса. Небо было мрачно,— вѣтеръ бушевалъ вокругъ пустыннаго острова. Два инока встрѣтили меня на самой пристани и гостепріимно заботились о моемъ помѣщеніи.

Издали, съ моря, видъ Соловецкаго монастыря не представляетъ ничего особеннаго; онъ лежитъ на берегу острова, который вообще мало возвышенъ, пологъ и однообразенъ. Къ тому же, послѣ великолѣпнаго зрѣлища моря, въ необозримомъ пространствѣ котораго исчезаетъ всякая идея сравнительнаго величія, трудно ожидать другихъ, сильнѣйшихъ впечатлѣній, при видѣ ничтожной персти земли, брошенной по-

среди бурнаго океана, и на ней бѣлѣющихся стѣнъ, воздвигнутыхъ трудами человѣка и едва примѣтныхъ въ великолѣпномъ обзорѣ, разкинутомъ творческою рукою природы! — Но, разъ вы стали на берегъ, приблизились къ древнимъ крѣпостнымъ стѣнамъ, окружающимъ монастырскія зданія, — и впечатлѣніе мгновенно измѣняется. Мрачность этой твердыни, сложенной изъ огромнаго булыжника и пережившей болѣе двухъ съ половиною столѣтій, пугаетъ васъ чѣмъ-то таинственнымъ и грознымъ (*). Сквозь узкіе просвѣты, или амбразуры, со стѣнъ высовываются длинныя чугунныя пушки, по угламъ круглыя бойницы, по обѣимъ сторонамъ святыхъ воротъ, на неподвижныхъ лафетахъ, стоятъ рядомъ такія же древ-

(*) Монастырь обнесенъ каменными стѣнами по Указу Царя и Великаго Князя Ѳеодора Іоанновича въ 1584 году, для защиты отъ нападенія Нѣмецкихъ и всякихъ воинскихъ людей.

(Лѣтописецъ Соловецкій).

нія орудія, покрытыя ржавчиною, какъ и на стѣнахъ. — Войдя подъ темный сводъ святыхъ воротъ, задвинутый сверху почти до половины желѣзною рѣшеткою, я невольно остановился: — шумъ и свистъ вѣтра, смѣшанный съ густымъ гуломъ монастырскаго колокола, мрачность кругомъ и слишкомъ разительное появленіе угрюмой новизны, все поражаетъ душу какимъ-то необыкновеннымъ, безотчетнымъ чувствомъ.

На возвышенныхъ перекладинахъ, внутри святыхъ воротъ, стоятъ двѣ модели (если вѣрить надписямъ) тѣхъ кораблей, на которыхъ пріѣзжалъ сюда Петръ Великій. Какъ будто очарованный простоялъ я минуту подъ низкимъ и мрачнымъ сводомъ, и потомъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, вдругъ переброшенъ былъ изъ одного очарованія въ другое: — я очутился въ царствѣ птицъ! Это явленіе было такъ неожиданно и странно, что я протиралъ се-

бѣ глаза, чтобы удостовѣриться не обманываетъ ли меня воображеніе, не бредъ ли это сна, или я перенесенъ въ волшебную страну, гдѣ толпы людей превращены въ стаи птицъ! — Я стоялъ на обширномъ монастырскомъ дворѣ; передо мною возвышались богатыя церкви съ колокольнями; вокругъ — каменныя трехъ-этажныя зданія. Дворъ весь заглохъ травою, по которой въ разныя направленія протоптаны узкія песчаныя тропинки, и — по всему пространству двора ходили тысячи дикихъ чаекъ! Однѣ сидѣли на яицахъ, кормили сѣрыхъ, едва оперившихся птенцовъ своихъ; другія кружились въ воздухѣ, и всѣ оглашали дворъ пронзительными, отвратительными криками! Это стонъ и плачь младенцевъ, кудахтанье куръ, карканье воронъ, блеяніе овецъ, кваканье, мычанье, визгъ, крикъ и гвалтъ! Не вдругъ могъ я понять, что со мною дѣлается, потому что послѣ перваго неосторожнаго шага за мной пустились

бѣгóмъ нѣсколько чаекъ, распуская крылья, и съ крикомъ разѣвая отвратительные носы. Безъ проводника простоялъ бы я долго на мѣстѣ, не смѣя шалохнуться; но по счастью входъ въ келью къ отцу Архимандриту, былъ въ нѣсколькихъ шагахъ и я съ удовольствіемъ ушелъ отъ преслѣдованій чаекъ. Эти дикія птицы, съ незапамятныхъ временъ, совершенно овладѣли монастырскимъ дворомъ, распоряжаются имъ какъ неотъемлемымъ своимъ владѣніемъ и вовсе забыли птичью скромность. Они прилетаютъ сюда съ весны на лѣто, преспокойно высиживаютъ дѣтей, и потомъ, на зиму, улетаютъ подъ теплое небо. Тогда замѣняютъ ихъ тучи воронъ, которыя въ свою очередь владѣютъ дворомъ всю зиму, пока не прилетятъ снова чайки и не выгонятъ ихъ въ лѣса. — Монашествующіе, наблюдая за этими странными лѣтними постояльцами - чайками, замѣтили удивительныя распоря-

женія и условія, на которыхъ каждая изъ нихъ владѣетъ частицей двора во все лѣто. Весною, явясь на Соловецкій островъ, чайки расходятся на стаи, и размѣжевавъ дворъ на большія части, начинаютъ дѣлить на мѣлкіе клочки, для каждаго семейства. Двѣ чайки берутъ въ клювы по небольшой щепкѣ, становятся одна передъ другою и бросаютъ щепки прямо передъ собой! Третья чайка, въ качествѣ свидѣтеля, стоитъ въ сторонѣ. Потомъ двѣ дѣлящіяся стороны начинаютъ, не сходя съ мѣста, кричать и бормотать по своему къ брошеннымъ щепкамъ, и, вдругъ замолчавъ, сбѣгаются другъ съ другомъ, схватываются носами и тянутся въ разныя стороны. Этимъ оканчиваются условія и съ тѣхъ поръ каждая знаетъ границу своего участка. Иной достается квадратный аршинъ, другой продолговатое мѣстечко по болѣе, или неправильный уголокъ на разпутіи протоптанныхъ тропинокъ. — Границы из-

вѣстны только чайкамъ, и уже каждое семейство, подъ смертною казнію, не осмѣливается во все лѣто ступить на землю сосѣда. Если же глупый цыпленокъ по невѣдѣнію, или ошибкой, перешагнетъ за условленную черту, то безъ милосердія бываетъ заклеванъ до смерти. Такія жертвы видны во многихъ мѣстахъ двора; но за то едва подростетъ чайка, уже никакимъ способомъ нельзя выгнать ее изъ границъ семейственнаго владѣнія: она кружится обѣгаетъ вокругъ вашихъ ногъ и спѣшитъ къ центру своей земли, зная неизбѣжную гибель за рубежемъ своего аршиннаго поля!

Деревянныя гостинницы для пріѣзжающихъ богомольцевъ стоятъ внѣ монастырскихъ стѣнъ, на берегу, передъ гаванью. Подлѣ нихъ есть домъ, гдѣ останавливался Петръ Великій и рядомъ съ нимъ часовня, въ которой воздвигнутъ большой деревянный крестъ, въ память посѣщенія острова Великимъ

Государемъ. — Я видѣлъ часовню послѣ; но прежде отецъ Архимандритъ принялъ на себя трудъ проводить меня, посреди безстрашнаго птичьяго народа, въ особую пріемную комнату, въ каменныхъ строеніяхъ, внутри монастырскихъ стѣнъ. Окна моей комнаты обращены были на дворъ. Я остался одинъ въ 11 часовъ ночи. Какое обширное поле для мечтаній, и какъ кстати уединеніе, когда такъ много предметовъ, какъ рядъ картинъ въ волшебномъ фонарѣ, перешло передъ глазами. Я бросился въ кресло, — и — замечтался!....

И такъ, думалъ я, вотъ вѣковой памятникъ, воздвигнутый благочестивымъ вдохновеніемъ святыхъ отшельниковъ: Зосимы, Савватія и Германа. Уже давно канулъ въ вѣчность 1429 годъ, ознаменованный водруженіемъ перваго креста на пустынномъ островѣ бѣлаго моря. Какое множество дѣлъ и трудовъ человѣческихъ погибло въ безднѣ этой далекой рѣки временъ! Сколько исчезло

гордыхъ памятниковъ суеты и высокомѣрія! Но, среди разрушительной власти вѣковъ, провидѣніе хранитъ обитель, возрожденную святою мыслію отчужденія отъ суетности свѣта; надъ храмомъ благочестія и вѣры пролѣтаютъ столѣтія, и, вмѣсто общаго удѣла, пекутся о его благолѣпіи и богатствѣ. Убогія кельи прежнихъ иноковъ превратились въ богатыя каменныя зданія, небольшія деревянныя церкви — въ великолѣпные храмы, съ блестящими позлащенными главами.

Но гдѣ, въ какомъ забытомъ краю земли безмятежно прошли вѣка, не оставляя посреди изящнаго воспоминаній плачевныхъ и грозныхъ?... Здѣсь, въ стѣнахъ Соловецкаго монастыря, началъ поприще жизни, исполненной славы и страданій, Бояринъ Ѳедоръ Колычевъ. Отреченіемъ отъ міра, въ тихой обители, думалъ онъ снискать небесное царство; но Богу угодно было возвать его къ себѣ въ вѣнцѣ му-

ченика. Наимянованный въ монашествѣ Филиппомъ, онъ посвященъ былъ въ игумены Соловецкаго монастыря, въ 1548 году; потомъ, обогативъ обитель щедрыми дарами Царя Іоанна Васильевича, возведенъ былъ на престолъ Всероссійской Митрополіи. Святой мужъ, сподвижникъ вѣры, Филиппъ не убоялся противустать силѣ Царскихъ опричниковъ и палъ подъ страшною опалою Грознаго.... Праведникъ, постыдно сверженный съ Митрополичьяго престола въ Москвѣ, ввергнутъ въ темницу, въ Тверской отрочь-монастырь, и тамъ задушенъ опричникомъ Малютою Скуратовымъ!...

Сквозь туманъ двухъ вѣковъ, мелькаетъ страшное девятилѣтіе: — въ стѣнахъ монастыря театръ мятежа и убійствъ. Заблужденіе, отемнившее разсудокъ многихъ тысячь людей, возстало противъ трудовъ Святѣйшаго Патріарха Никона, и пламя раскола (съ 1656 г.) объяло Соловецкую оби-

тель. Оно потушено только кровью ожесточенныхъ иноковъ, павшихъ на стѣнахъ монастырскихъ, въ бою противъ войскъ Царя Алексѣя Михайловича (въ 1676 году).

Вслѣдъ за мрачными событіями, являются двѣ свѣтлыя эпохи веселія и радости озарившія пустынный островъ: два года, 1694 и 1702, ознаменованы посѣщеніями Соловецкой обители Петромъ Великимъ.

Уже давно лучи солнца загорѣлись на золотыхъ крестахъ монастырскихъ церквей. Буря стихла, начался ясный день, — я все еще сидѣлъ у окна, погруженный въ думы о минувшемъ, и, казалось, передо мною носились въ воздухѣ, среди монастырскихъ стѣнъ, чудныя видѣнія древнихъ событій, встревоженныя изъ вѣковаго сна моими бродящими мечтами!....

Не принимая на себя подробнаго описанія Соловецкаго острова и монастыря, я передаю здѣсь только взглядъ

на тѣ предметы, которые безъ сомнѣнія обратятъ вниманіе каждаго посѣтителя.

Чтобы скорѣе осмотрѣть все въ монастырѣ, вы прежде всего пойдете поклониться святымъ мощамъ Преподобныхъ Зосимы и Савватія, почивающимъ въ Соборѣ Преображенія Господня, въ богатыхъ серебренныхъ, вызолоченныхъ ракахъ. Мощи Св. Германа и Иринарха покоятся подъ спудомъ, въ другой церкви. — Вѣрующіе-православные, прося у святыхъ угодниковъ исцѣленія недуговъ, дѣлаютъ изъ серебра изображенія болящихъ частей тѣла и навѣшиваютъ ихъ на образъ, поставленный между двумя раками.

Соловецкій монастырь первокласный Ставропигіальный. Онъ не подчиненъ эпархіи и Архимандритъ его относится прямо въ Святѣйшій Синодъ. Теперь въ немъ 135 монашествующихъ, считая іеромонаховъ, іеродіаконовъ, монаховъ

монатейныхъ и штатныхъ послушниковъ; 50 человѣкъ инвалидной команды для содержанія караула при арестантахъ; до 120 вольнонаемныхъ работниковъ, и около 160 человѣкъ, разнаго званія, временныхъ богомольцевъ. Вообще, число жителей на островѣ нѣсколько болѣе 500 человѣкъ мужескаго пола; женщинъ вовсе нѣтъ.

Островъ имѣетъ въ длину до 25, а въ поперечникѣ до 15 верстъ

Ризница въ монастырѣ конечно одна изъ богатѣйшихъ въ Россіи, какъ цѣнностью множества богатыхъ ризъ, шитыхъ каменьями и жемчугомъ, такъ и достопамятными рѣдкостями. Въ ней хранятся богатыя Евангелія, кресты, золотыя и серебренныя чаши, дарованныя монастырю Великими Князьями и Царями Россійскими, и нѣсколько грамматъ, изъ которыхъ двѣ даны Маѳою Борецкою, Посадницею Великаго Новагорода.

Посреди всѣхъ драгоцѣнностей, вы

найдете простой, вынощенный, темно-зеленаго сукна, съ черными снурками, кафтанъ злополучнаго Святителя Филиппа. Вамъ покажутъ также въ коридорѣ небольшой уголокъ, гдѣ была его келья; теперь тамъ устроена часовня. — Я коснулся съ благоговѣніемъ одежды Святаго мужа, и какое-то высокое и вмѣстѣ усладительное чувство проникло въ душу: можетъ быть это была мысль о ничтожествѣ земнаго счастія!...

Но вотъ чѣмъ еще безцѣнна ризница Соловецкаго монастыря: едва ли есть иные памятники священнѣе и ближе сердцу Русскаго. Тамъ хранятся: сабля Князя Димитрія Михайловича Пожарскаго и мечь Князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго. — Что можетъ быть прекраснѣе и возвышеннѣе воспоминаній, которыя воскресятъ въ васъ эти двѣ полосы желѣза! На нихъ, кажется, сквозь двухъ вѣковую ржавчину горятъ лу-

чи пламеннаго патріотизма! Мечь юнаго Скопина и сабля Пожарскаго, блѣснувшая въ рукѣ роднаго героя, навсегда священны для Русскаго! Кто въ храмѣ славы можетъ стать на ряду съ Пожарскимъ, и чье оружіе сравнится съ его саблей, извлеченной изъ ноженъ не алчною рукою завоевателя, не жаждою славы, но святою мыслію спасенія отчизны!

Въ оружейной палатѣ лежитъ грудами старинное оружіе: сѣкиры, бердыши, кистени, пистолеты, ружья и прочее. Безъ сомнѣнія болѣе отъ небреженія и времени, нежели отъ употребленія, оно пришло почти въ совершенную негодность, и конечно весь этотъ любопытный арсеналъ былъ бы растасканъ, или содѣлался бы достояніемъ ржавчины, еслибъ не спасло его благоразуміе Архимандрита. Онъ намѣренъ по возможности привести его въ порядокъ. Это оружіе запасено было монастыремъ для обороны отъ Шве-

довъ, когда они покушались овладѣть островомъ, и потомъ оно же служило монашествующимъ въ преступной оборонѣ противъ войскъ Царя Алексѣя Михайловича.

По приглашенію Архимандрита, былъ я за братской трапезой. Изобиліе доказываетъ хорошее устройство экономической части. На цѣлый годъ дѣлаются запасы трески и вкусной Бѣломорской сельди. Свѣжая семга составляетъ лакомство. Для варенія квасу устроены огромные котлы и чаны, въ которые входитъ по десяти сороковыхъ бочекъ. Хлѣбопеченіе дѣлается также въ огромномъ количествѣ и вдругъ. По древнему обычаю монастырь довольствуетъ каждаго богомольца три дни пищею, безденежно, для чего необходимы большіе запасы съѣстнаго, ибо въ лѣтнее время на поклоненіе святымъ мощамъ собирается до двухъ тысячь человѣкъ изъ разныхъ странъ Россіи, и безпрестанно смѣняются одни

другими. Но всѣ траты безъ сомнѣнія окупаются приношеніями посѣтителей и дарами неизвѣстныхъ лицъ. Принятое издревле обыкновеніе обогащать дарами монастырь имѣетъ въ себѣ нѣчто таинственное: въ концѣ лѣта монашествующіе объѣзжаютъ небольшіе острова, смежные съ Соловецкимъ, и на нихъ находятъ по нѣсколько штукъ коровъ, овецъ, барановъ и даже лошадей, привезенныхъ неизвѣстными богомольцами въ даръ Святымъ угодникамъ. Въ иные года братія находили такимъ образомъ по 50 штукъ овецъ и болѣе.

Нѣкоторые иноки занимаются вырѣзываніемъ изъ кипариса крестиковъ, украшаютъ ихъ фольгою, пишутъ образа и мѣняютъ ихъ богомольцамъ.

На Соловецкомъ островѣ водятся многочисленныя стада Лапландскихъ оленей, много лисицъ, но волковъ и другихъ хищныхъ звѣрей вовсе нѣтъ, равно какъ и никакихъ змѣй и гадовъ. Олени разведены тамъ попечительно-

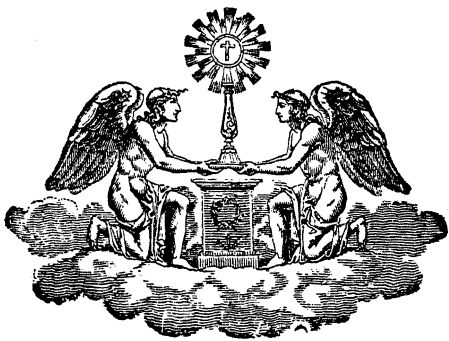
стію Митрополита Филиппа, въ бытность его игуменомъ монастыря. Ихъ бьютъ ежегодно отъ 50 до 100 штукъ для продажи и монастырскихъ надобностей.

Недавно нашли въ лѣсу двухъ мертвыхъ оленей, спутавшихся огромными вѣтвистыми рогами. По всѣмъ примѣтамъ видно было, что они дрались, и, сплетясь рогами въ бою, два врага погибли ужасною смертью, — не разлучные! —

При настоящемъ Архимандритѣ Досиѳеѣ, построены монастыремъ два прекрасные брига и лодья. Бриги стоятъ въ докахъ, на сушѣ, и могутъ быть подняты посредствомъ шлюза на воду, проведенную изъ Святаго Озера, лежащаго за монастыремъ.

Островъ Соловецкій, Анзерскій, Заячьи, Муксальмы и другіе изобилуютъ пресною водою: на нихъ считаютъ до ста небольшихъ озеръ. Къ сѣверу отъ монастыря есть три небольшія

пустыньки: Сосновская, верстахъ въ 15, Савватіева и Исакова въ 12 и 10 верстахъ, и сверхъ того къ сѣверо-востоку на берегу построенъ для рыбаковъ домикъ и изба, въ которой топятъ тюленье и бѣлужье сало. Это мѣсто называется Бальдскою пристанью, или Ребальдою. Оттуда переѣзжаютъ на островъ Анзерскій, черезъ проливъ шириною около пяти верстъ. Скажу нѣсколько словъ объ этомъ островѣ особо. —

АНЗЕРСКІЙ ОСТРОВЪ.

Былъ ясный и тихой день, когда переѣзжалъ я черезъ проливъ, на небольшой лодкѣ, и здѣсь-то дельфины и тюлени доставили мнѣ удовольствіе полюбоваться ими, а одинъ изъ рыбаковъ подарилъ меня двумя морскими звѣздами (asterias aurantiaca, оранжево-цвѣтная морская звѣзда). Это странное морское животное попадается въ невода и обыкновенно называется рыбаками «морскимъ ракомъ.» —

На берегу Анзерскаго острова показали мнѣ множество камней, на которыхъ растетъ какая-то удивительная трава. Она прирастаетъ такъ крѣпко къ лежащему въ водѣ камню, что за кисть растѣнія можно поднять камень,

не смотря на его тяжесть. Трава эта имѣетъ длинные узенькіе листки и вмѣсто цвѣтовъ красуется пустыми, овальными, наполненными воздухомъ пупочками, которые лопаются и щелкаютъ, когда ихъ сожмешь. Богомольцы обыкновенно запасаются этими камешками, приписывая травѣ свойство предохранять и даже избавлять отъ лихорадки. — Находятъ также на берегахъ Соловецкаго острова настоящій авантуринъ. Это, я думаю, новость для минералогіи, и честь этаго открытія принадлежитъ Архимандриту Досиѳею, у котораго видѣлъ я прекрасный наперстный крестъ изъ Соловецкихъ авантуриновъ.

На Анзерскомъ островѣ, преподобный Елеазаръ основалъ скитъ Свято-Троицкій, гдѣ и была построена сперва деревянная церковь въ 1620 году, а потомъ въ 1654, на иждивеніи Царя Алексѣя Михайловича, воздвигнута тамъ первая каменная церковь во имя Святыя Троицы, съ придѣломъ Михаила

Малейка и Знаменія Пресвятыя Богородицы. Въ 1621 году, именною грамматою Царя Михаила Ѳеодоровича, опредѣлено быть въ Анзерскомъ скитѣ 11 монахамъ, а въ 1655 году, при Святѣйшемъ Патріархѣ Никонѣ, Царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ умножить число монашествующихъ до 17 человѣкъ (*).

Я поклонился Святымъ мощамъ преподобнаго Елеазара, почивающимъ подъ спудомъ, полюбовался прекрасными кельями иноковъ и отправился по вновь продѣланной дорогѣ къ Анзерско-Распятскому скиту, лежащему верстахъ въ четырехъ отъ Троицкаго.

Основателемъ Распятскаго скита былъ Іеросхимонахъ Іисусъ. Онъ на-

---

(*) Въ Москвѣ, въ 1833 году, напечатанъ лѣтописецъ Соловецкій, составленный Архимандритомъ Досиѳеемъ. Всѣ свѣдѣнія, помѣщенныя въ этой книгѣ, извлечены изъ документовъ, хранящихся въ Архивѣ монастыря, и которыя я имѣлъ случай тамъ видѣть. *Соч.*

ходился прежде, въ званіи строителя, въ скитѣ Троицкомъ, откуда перешелъ на гору называемую Голгоѳа и на ней соорудилъ деревянную церковь во имя Распятія Господня (около 1714 года.)

На горѣ Голгоѳѣ нашелъ я новый, богатый, красивый о пяти главахъ, каменный храмъ. Надобно было употребить неимовѣрные труды для доставленія матеріаловъ на крутую гору, которой высоту опредѣляютъ въ перпендикулярѣ 87 саженями. Но теперь труды увѣнчаны самымъ блистательнымъ успѣхомъ: церковь вышиною въ 17 саженъ, поставлена на вершинѣ конической горы, куда проведена дорога отъ подошвы винтообразно. Храмъ далеко видѣнъ съ моря, а изъ каменныхъ келій, построенныхъ близь него по скату горы, покрытой сосновымъ лѣсомъ, — видъ моря и острова чрезвычайно хорошъ. Прекраснымъ и можно сказать великолѣпнымъ возобновле-

ніемъ Распятскаго скита обязанъ Анзерскій островъ нынѣшнему Архимандриту Досиѳею, который, сдѣлавъ необходимыя приготовленія, въ 1828 году испросилъ на это дозволеніе Святѣйшаго Синода, а въ 1830 храмъ былъ уже освященъ. —

Что я сказалъ здѣсь о двухъ скитахъ, по несчастію, во всемъ противурѣчитъ статьѣ, помѣщенной во 2 томѣ Энциклопедическаго Лексикона: «Анзер-«скій Троицкій скитъ.» Авторъ этой статьи говоритъ: «тамъ (на горѣ Гол-«гоѳѣ) устроился было другой скитъ «подъ именемъ Распятскаго; но кельи «этаго скита давно исчезли: осталась «одна церковь (деревянная небольшая), «въ которую по временамъ пріѣзжаютъ «монахи Соловецкаго монастыря слу-«жить литургію.»

Какъ Анзерская гора Голгоѳа далеко отъ Арарата, такъ далекъ я отъ намѣренія судить о знаменитомъ трудѣ людей ученыхъ и умныхъ; однако

право жаль видѣть въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ не то, что существуетъ на дѣлѣ. И притомъ (оставляя все въ сторонѣ), какъ не пожалѣть тѣхъ людей, которые строили въ надеждѣ славы и похвалъ, трудились въ потѣ лица нѣсколько лѣтъ, — и что же? на ихъ подвигъ не только не обратили вниманія, но даже столкнули съ горы всѣ зданія однимъ почеркомъ пера!

Я заговорилъ объ Энциклопедіи, сказалъ нечаянно «Араратъ,» и, — власть ваша, не могу удержаться, чтобы не вздохнуть объ Алла-гезѣ! — Это уже явное отступленіе отъ предмета, но все равно: семь бѣдъ одинъ отвѣтъ! Я говорю здѣсь, хотя бы это и не было для васъ интересно, что Алла-геза нѣтъ въ Энциклопедіи, — и съ меня какъ гора съ плечъ свалилась! — На это имѣю я свои причины: во первыхъ я видѣлъ Алла-гезъ своими глазами; во вторыхъ онъ безподобенъ, живопи-

сенъ и напоминаетъ мнѣ походы Русскихъ къ Арарату въ 1827 году.

Какъ теперь помню я минуту, когда спускаясь съ хребта Бомбакскихъ горъ, мы увидѣли передъ собою величественный Алла-гезъ, съ вершиною убѣленною снѣгомъ среди жаровъ Іюня. Эти мѣста дышатъ поэзіею, и не мудрено что тамъ нашъ знаменитый воинъ-поэтъ, Д. В. Давыдовъ, лежа на буркѣ, въ дыму бивачныхъ костровъ, посвящалъ вдохновенію минуты между отбоемъ и подъемомъ. Вздыхая по своей молодости, исполненной веселья и дѣятельности и называя полу-солдатомъ того

У кого есть печь съ лежанкой,
Жена, полдюжины ребятъ,
Да щи, да чарка съ запеканкой..

Поэтъ обращается къ великолѣпнымъ картинамъ окрестныхъ горъ:

Араксъ шумитъ, Араксъ кипитъ,
Араксу вторитъ ключь нагорный,
И Алла-гезъ, нахмурясь спитъ
И тонетъ въ влагѣ долъ узорный.
И вѣетъ съ пурпурныхъ садовъ
Зефиръ восточнымъ ароматомъ;
И средь сребристыхъ облаковъ

Луна плывешь надъ Араратомъ ...
Но воинъ нашъ не упоенъ
Ночною роскошью безоблачнаго края:
Съ Кавказа глазъ не сводишь онъ,
Гдѣ подпираетъ небосклонъ
Казбека груда снѣговая.....
На немъ — знакомый вихрь, на немъ — громады льда!
И надъ челомъ его въ туманѣ мутномъ,
Какъ Русь святая недоступномъ, —
Горишь родимая звѣзда!...
(Полусолдатъ Д. В. Давыдова.)

Кругомъ виноватъ! не могъ остановиться и выписалъ прекрасные стихи до конца. Они перенесли меня всего на цвѣтущую Башабаранскую долину, къ подножію Алла-геза: я готовъ толковать о походахъ по Персіи, и вотъ доказательство, что замѣчаніе сдѣланное мною объ Энциклопедическомъ Лексиконѣ мимолетное!

Теперь — прыжокъ, и довольно опасный: съ Арарата на Соловецкій островъ! Однакожъ надобно рѣшиться. Я опять здѣсь!

Почва земли Соловецкаго острова и всѣхъ его небольшихъ товарищей, большею частію камениста, безплодна, и едва доставляетъ пищу не крупному

сосновому и еловому лѣсу. Хлѣбъ не родится, а въ огородѣ, за которымъ много хлопотъ, едва созрѣваютъ неприхотливые овощи: рѣдька, рѣпа, картофель и тому подобное. Это заставляетъ братію запасаться почти всѣмъ съѣстнымъ въ Архангельскѣ. Большихъ морозовъ не бываетъ на Соловецкомъ островѣ; но постоянное дыханіе сѣвера поддерживаетъ снѣгъ весьма долго, такъ что я видѣлъ, въ концѣ Іюня, коегдѣ на скатахъ холмовъ, обращенныхъ къ сѣверу, бѣлѣющія глыбы снѣга.

Множество дикихъ утокъ разныхъ породъ, гагаръ, чаекъ, журавлей и другихъ морскихъ птицъ, облетаютъ и какъ будто сторожатъ свои островки, которые кажется очень имъ нравятся. Они тамъ гораздо менѣе робки, нежели гдѣ нибудь, потому что никто нетолкуетъ имъ о вкусѣ жареной дичи.

Бѣдная природа вокругъ Соловецкаго монастыря выражаетъ какую-то болѣзненную грусть среди самаго лѣта,

и когда Флора прилетаетъ ревизовать владѣнія свои на Бѣломъ морѣ, то скромныя нимфы Соловецкихъ лѣсовъ не знаютъ чѣмъ угостить богиню, избалованную югомъ. Онѣ должны обѣгать всѣ острова, чтобы собрать букетъ мелкихъ голубенькихъ колокольчиковъ; кое-гдѣ отыщутъ пестренькую Иванъ-да-Марью, смѣшаютъ ихъ съ бѣленькими цвѣточками морошки, не дорожа будущими ея плодами, переплетутъ незабудками, и, недовольныя своими дарами, стыдясь предлагаютъ ихъ своей мимолетной гостьѣ. Онѣ кажется вплели бы въ вѣнокъ желтыхъ и пышныхъ цвѣтковъ ревеня, который растетъ въ монастырскомъ огородѣ, — но не знаютъ хорошо ли будетъ это принято: не разсердилась бы богиня.

И такъ, я исписался. Все что зналъ — высказалъ, и если пропустилъ многое, то можно не взыскать: я пробылъ въ Соловецкомъ монастырѣ пять дней и былъ занятъ дѣломъ.

Оттуда поплылъ я обратно въ Архангельскъ на монастырской лодьѣ «Святый Зосима,» и уже плылъ не такъ скоро, какъ прежде: вѣтеръ носилъ насъ по морю пять дней.

Въ заключеніе, примите мой совѣтъ, почтенный читатель! Если вы когда нибудь захотите, по обѣщанію, поклониться Соловецкимъ угодникамъ, то поѣзжайте въ Архангельскъ и плывите прямо оттуда на Соловецкій островъ. Поѣдете сухимъ путемъ въ городъ Онегу — васъ замучатъ тысячи переправъ черезъ рѣчки, впадающія въ море на всемъ протяженіи лѣтняго берега; отправитесь въ городъ Кемь, — тоже самое, и въ обоихъ случаяхъ вамъ приведется ѣхать на небольшихъ лодкахъ, что гораздо опаснѣе, не смотря на меньшее растояніе до острова отъ этихъ обоихъ городовъ. — Напротивъ того, отплывъ изъ Архангельска на лодьѣ, вы вполнѣ насладитесь прекраснымъ, небольшимъ вояжемъ по морю, и сверхъ того уже

самое путешествіе сухимъ путемъ въ Архангельскъ доставитъ вамъ случай видѣть красивую Сѣверную Двину и восхититься живописной и могучей природой Гиперборейскаго края.

Во всякомъ случаѣ, Соловецкій островъ доступенъ только съ половины мая до половины сентября: въ остальные мѣсяцы года Бѣлое море бушуетъ безъ милосердія, бѣдой грозитъ запоздалому плавателю и разбиваетъ ревучіе валы объ огромныя глыбы льдовъ, гуляющихъ во мракѣ сѣверной зимы по разъяренной стихіи.

